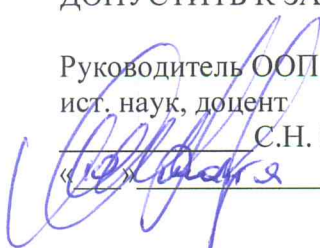

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и
политических наук
Кафедра новой, новейшей истории и
международных отношений

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП канд.
ист. наук, доцент

 С.Н. Мирошников
«12» июня 2021 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

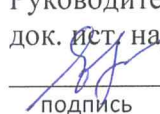
«АНАЛИЗ СОБЫТИЙ ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА 1914 В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА»

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 41.03.05 – Международные отношения

Макаров Данил Антонович

Руководитель ВКР

док. ист. наук, доцент

 Е.В. Хахалкина
подпись

«08» июня 2021 г.

Автор работы

студент группы № 031707

 Д.А. Макаров
подпись

Томск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА	1
ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I: ЭКСПОЗИЦИЯ ПРОБЛЕМЫ	9
1.1. Томас Гоббс и проблема «войны всех против всех»	9
Проблема суверенитета	9
1.2. Гоббс и справедливость	14
1.3. Бесконечная война	19
Глава II: АНАЛИЗ СОБЫТИЙ ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА 1914.....	26
2.1. Июльский кризис 1914	26
2.2. Июльский кризис в призме «войны всех против всех»	41
2.3. Ловушка Гоббса	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	55
Источники	55
Литература	55

ВВЕДЕНИЕ

Сюжет Июльского кризиса 1914 является одним из наиболее острых в сфере исторического дискурса. Несмотря на то, что сюжет этот уже достаточно изжит, тема Июльского кризиса сохраняет свою историческую актуальность, что подтверждает, к примеру, относительно недавний выход книги Кристофера Кларка “The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914” (2012), которая стала большим коммерческим и академическим успехом для своего автора. Нельзя не отметить публикации Шона Макмикина (“July 1914: Countdown to War”, 2014), Гордона Мартела (“The Month that Changed the World”, 2014), Маргарет Макмиллан (“The War that Ended Peace”, 2013). Можно также отметить совсем недавний выход книги Джона Мозера (“Europe on the Brink, 1914: The July Crisis”, 2020). Как можно видеть, цифра ‘1914’ и по сей день продолжает то и дело всплывать в исторической науке.

В том, что касается Томаса Гоббса, можно смело сказать, что его значение для теории МО невозможно переоценить. Реализм, до сих пор одна из основных школ МО, построен на представлении об отношениях между людьми как отношениях войны. Когда реалисты говорят о «национальном интересе», можно сказать, что они применяют принцип «самосохранения[self-preservation]» Гоббса к государству на международной арене. Таким же образом, когда реалисты упоминают «баланс сил», они на самом деле говорят о «бесконечной войне» английского философа, но в контексте межгосударственных отношений. Недаром Майкл Смит писал, что «Гоббсовский анализ естественного состояния[state of nature] остается определяющей характеристикой мысли реалистов»¹. Александр Вендт утверждал, что Гоббсовская концепция анархии составляет ядро школы

¹ Smith, Michael. J. Realist Thought from Weber to Kissinger. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1986. P 13.

реализма в МО² (такой же позиции придерживалась Хелен Милнер³). Однако философия Гоббса остается актуальной не только как оплот реалистов: исследователь Майкл Виллиамс, к примеру, писал, что основной целью Левиафана (государства) является не принуждение к кооперации и уничтожению анархии, но скорее создание свода общих правил игры, вокруг которых могут выстраиваться определенные ожидания⁴.

Объектом исследования данной работы являются международные отношения в период Июльского кризиса. *Предметом* данной работы является государственный суверенитет и международное сотрудничество в период Июльского кризиса в перспективе «войны всех против всех» Т. Гоббса.

Целью работы является выявление связи между событиями Июльского кризиса 1914 года и идеей Т. Гоббса «войны всех против всех». Задачами работы являются:

- анализ философии Т. Гоббса с акцентом на идее «войны всех против всех»;
- выявление релевантности этой идеи для рассматриваемого исторического периода и МО;
- Анализ событий Июльского кризиса 1914, выявление общих исторических тенденций;
- синтез идеи «войны всех против всех» и событий Июльского кризиса 1914

² Wendt, Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 252.

³ Milner, Helen. The Assumption of Anarchy in International Relations: A Critique. *Review of International Studies*, Vol. 17, 1991. PP. 67-85.

⁴ Williams, Michael C. Hobbes and International Relations: A Reconsideration. *International Organization*, Spring, Vol. 50, 1996. PP. 213-236.

Методы работы:

- анализ литературы («Левиафан» Т. Гоббса и работы историков Июльского кризиса) и первичных источников (Переписки между ключевыми деятелями Июльского кризиса 1914, тексты документов);
- синтез полученной информации (синтез идеи 'войны всех против всех' с историческими фактами Июльского кризиса 1914);
- индукция (выявление общих исторических тенденций из частных фактов);
- дедукция (разбор идеи «войны всех против всех» Т. Гоббса и выявление ее релевантности для рассматриваемого периода и МО)

Мною будет сделана попытка подойти к изучению Июльского кризиса и причин войны с позиций философии Гоббса и его представлений о «бесконечной войне». В своей работе я попытаюсь доказать, что несмотря на то, что Гоббс традиционно рассматривается как праотец школы реализма в МО, квинтэссенцией его философии являются кооперация и консенсус, что делает его не поборником национального интереса и баланса сил, но сторонником мирового правительства и прочной системы международного права.

В работе мною будет использован оригинальный труд Т. Гоббса «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Отсылки будут производиться на оригинальный текст (1651 года) с приведением авторского перевода. Особое внимание мной будет уделено первой части работы, где обсуждаются концепт «войны всех против всех» и истоки государства. В частности, мною будут проанализированы

главы XIII («Of the Natural Condition of Mankind as Concerning their Felicity and Misery») и XIV («Of the First and Second Natural Laws, and of Contracts»)

Мною также будет использован сборник документов и переписка, относящихся к событиям 1914 года, «British Documents on the Origins of War». В этом сборнике находятся телеграммы, письма и тексты документов, относящихся к событиям Июльского кризиса 1914. Особое внимание мной будет уделено телеграммам ключевых деятелей кризиса, таких как С. Сазонов.

Помимо этого, мною будет использованы ряд онлайн ресурсов, основным из которых является «World War I Document Archive». Этот источник содержит множество текстов документов, а также наиболее важных писем и телеграмм. Этот источник будет использован мной в основном для анализа текстов государственных документов, таких как Австро-Венгерский ультиматум Сербии от 5 июля 1914. В дополнение к «World War I Document Archive», я также использовал доступ к перепискам Вильгельма II на сайте Министерства иностранных дел Германии.

Мною будет использована научная литература по тематике предвоенного кризиса 1914, с особым вниманием к следующим работам:

- Kissinger, Henry, *Diplomacy*, Simon & Schuster, NY, 1994.
- A. J. P. Taylor: *The Struggle for Mastery in Europe*. London, Amen House, Oxford University Press, 1954.
- J. P. T. Bury: Diplomatic History 1900-1912. In *The New Cambridge Modern History*, Cambridge. University Printing House, 1968.
- Clark, Christopher: *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London, Penguin Group, 2012.

Особый акцент в анализе литературы будет сделан на главе VIII работы Генри Киссинджера («Into the Vortex: the Military Doomsday Machine»), а также на последней главе труда Кристофера Кларка («Boots»). В этих главах оба автора излагают свое видение истоков Великой войны, а также пытаются пролить свет на те события, которые сделали трагическую развязку кризиса 1914 неизбежной. Литература, как и источники, будут использованы мной в оригинале, при цитировании будет использован авторский перевод и ссылка на оригинальный текст.

В работе мною также будут использоваться статьи из периодических изданий, в частности:

- Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина. Левиафан в поисках миропорядка: проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407.
- Michael C. Williams. Hobbes and International Relations: A Reconsideration // International Organization. Spring 1996. No. 2.
- Цветков С. Э. Как начинался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 4 (16).
- Jack S. Levy. Preferences, Constraints, and Choices in July 1914 // International Security. Winter, 1990-1991. No. 3.

Ю. Ивонин и О. Ивонина в своей статье анализируют философию Т. Гоббса и ее связи с проблемами международной безопасности в исторической перспективе⁵. Статья М. Уилльямса суммирует уже устоявшиеся в

⁵ Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина. Левиафан в поисках миропорядка: проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407.

английской науке МО взглядах на представление Гоббса о «войне всех против всех», в частности, автор отмечает разрыв между реалистами и идеалистами в их осмыслении английского философа, и предлагает свое собственное «переосмысление» Гоббса в контексте МО⁶. С. Цветков в своей статье приводит красочное и последовательное описание событий Июльского кризиса 1914, предлагая возможные причины для тех или иных решений ключевых государственных деятелей эпохи⁷. Д. Леви приводит анализ действий основных акторов кризиса в призме теории рационального выбора⁸.

⁶ Michael C. Williams. Hobbes and International Relations: A Reconsideration // International Organization. Spring 1996. No. 2.

⁷ Цветков С. Э. Как начинался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 4 (16).

⁸ Jack S. Levy. Preferences, Constraints, and Choices in July 1914 // International Security. Winter, 1990-1991. No. 3

ГЛАВА I: ЭКСПОЗИЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Томас Гоббс и проблема «войны всех против всех»

Проблема суверенитета

Философия Гоббса актуальна для международных отношений, участниками которых являются суверенные государства. Версальский мир установил принцип, гласящий: «чья земля, того и вера», или *cuius regio, eius religio*.

Право определять официальную религию легло в основу современного государственного суверенитета, который до сих пор признается и уважается мировым сообществом. Существование суверенитета, тем не менее, порождает практически неразрешимую проблему, создавая ситуацию, напоминающую бесконечную войну Гоббса. В этой главе я постараюсь, во-первых, описать эту проблему, и уже впоследствии дать характеристику философии Гоббса и Руссо.

Большой толковый словарь Скворцова определяет суверенитет как «[н]езависимость и самостоятельность государства в его внутренних делах и внешних отношениях»⁹; американский словарь Merriam-Webster предлагает три связанных между собой определения: а) «supreme power especially over a body politic», «freedom from external control», «controlling influence»¹⁰. На мой взгляд, суверенитет должен подразделяться на две сферы: суверенитет во внутренней и суверенитет во внешней политике. Первый предполагает, как раз-таки, «независимость» государства в своих делах, в то время как во

⁹ Скворцов, Л. Большой толковый словарь правильной русской речи. ОНИКС, Москва. 2009. С. 821.

¹⁰ Sovereignty, Definition of Sovereignty by Merriam-Webster, Merriam-Webster. Accessed 9 December 2020, <<https://www.merriam-webster.com/dictionary/sovereignty> >

втором идет речь об автономии, не о независимости. Государство никак не способно обладать полной свободой действий в среде других государств, так как воля одного государства всегда противопоставляется волям других государств. В реальности, я нахожу определение американского словаря более убедительным, так как оно допускает значение суверенитета не только как «абсолютной власти», но и как «свободы от внешнего контроля». В действительности, государство на мировой арене свободно в том смысле, что никто не может указывать ему, какие договоры подписывать или в какие ассоциации вступать. Тем не менее, государство в международных отношениях не независимо, так как, пусть оно и не обязано следовать чьим-либо приказам, ему все же необходимо учитывать интересы других государств. Определение Большого толкового словаря имеет смысл в том плане, что государство *в идеале* должно быть независимым, так как суверенитет, по определению, наделяет государство полным иммунитетом в отношении третьих государств. В этой связи, если мы представим мир, в котором существовало бы только одно государство, последнее бы обладало абсолютным суверенитетом, так как не было бы других, тоже суверенных, государств, которые бы были наделены такими же правами во внешней политике.

Проблематика, заключающаяся в противоречии между определением суверенитета как «независимости», или ‘абсолютной власти’, заключается в том, что в мире еще не было ситуации, когда существовало бы лишь одно суверенное государство. Полноценный реальный суверенитет достигим лишь до тех пор, пока существует лишь один его носитель. История показывает, что когда у страны есть один источник власти, у страны есть легитимное правительство и, следовательно, суверенитет; когда же у страны

два и более таких источника, то де факто суверенитет пропадает. Ситуация, при которой существует два и более носителей власти, есть ситуация гражданской войны. К примеру, во времена Английской революции, где находилось суверенное правительство Англии? Возможно, это было королевское правительство Карла I в Оксфорде, а возможно - Парламентское правительство в Лондоне. Так или иначе, суверенитет Англии как таковой был утрачен, а стране пришлось пройти через длительный внутренний конфликт, чтобы вновь восстановить единство государственного суверенитета. Похожая ситуация возникла и во время Гражданской войны в России, когда два конфликтующих политических движения претендовали на обладание суверенитетом, или государственной властью. По факту, когда мы говорим о 'русской' или 'английской' гражданской войне, мы не говорим ни об Англии, и о России, но только о враждующих группировках внутри них. Суверенитет Англии как таковой был исчерпан после окончательного раскола между королем и парламентом, и появились, можно сказать, два новых, конфликтующих между собой 'суверенитета' парламентариев и кавалеров. Россия как суверен перестала существовать после Октябрьского переворота 1918, уступив место конфронтации красных и белых. Исходя из исторических примеров, можно сделать вывод, что существование двух суверенитетов по определению невозможно, так как определение суверенитета косвенно включает в себя отсутствие других источников суверенитета. Так, если в государстве А появляется влиятельная группа людей, намеревающихся пересмотреть существующую политическую систему и имеющих широкую социальную базу (достаточную для того, чтобы рассматривать эту группу как альтернативу текущему правительству), то государство А как таковое перестает существовать, а на его место

приходит гражданский конфликт между претендующими на обладание суверенитетом объединениями.

Если суверенитет существует только тогда, когда есть лишь один его носитель, то в праве ли мы утверждать, что международные отношения есть одна большая и непрекращающаяся «гражданская война»? Если каждый суверен, по определению, обязан претендовать на независимость, но при этом существует еще и множество других таких же суверенов с такими же претензиями, то что мешает нам определить международные отношения как ситуацию, схожую с Английской революцией? Ведь если отдельно взятое правительство действительно претендует на неограниченную власть, это правительство претендует на мировое господство, или на полное устранение всех других источников суверенитета. На мой взгляд, такая позиция вполне себе может быть поддержана аргументами как эмпирическими, так и логическими. Эмпирически, большую часть времени своей истории человечество провело в войнах, и лишь недавно, в силу определенных факторов, война стала значительно более редким, хоть и все еще существующим, явлением. Логически, я не вижу, что мешает суверену, обладающему полнотой прав по отношению к своим подданным, претендовать на ту же полноту прав по отношению ко всем. В действительности, суверенитет в реальности возможен лишь в мире с одним государством, но в нашем мире, где существует множество государств, реального суверенитета нет ни у кого. Тем не менее, отсутствие реального суверенитета не подрывает существование у государств теоретического абсолютного суверенитета. Так, в реальности я могу быть сувереном над 10 людьми, но в теории мое стремление к абсолютному суверенитету будет

распространяться на весь мир. Реальный суверенитет всегда ограничен существующим балансом сил, но теоретический суверенитет бесконечен.

Контраргументом к вышеизложенной точке зрения может служить то самое разделение суверенитета на внутренний и внешний. Допустим, суверен обладает абсолютной властью по отношению к своим подданным, но эти правила не действуют в его отношениях с другими такими же суверенами. Такое разделение предполагает два политических мира, в одном из которых закон подчиняется воле суверена, а в другом, сам суверен подчиняется некоего рода закону «внешнего» суверенитета. Ответ на это - история. Уважение к суверенитету других государств исторически поддерживалось не каким-то принципом «внешнего» суверенитета, но расчетом текущего соотношения сил. История показывает, что государство не медлит нарушить суверенитет других, как только оно понимает, что способно сделать это безнаказанно. Прямым примером такой безнаказанной деятельности является война. Никто еще не объявлял войну в надежде ее проиграть, и мало кто удерживался от её объявления, если существовала видимая возможность извлечь из нее выгоду. Война и завоевание есть свидетельство против утверждения о существовании некоего рода принципов об отношении между суверенами. Таких принципов, несмотря на некоторые успехи международного права, по большому счету, до сих пор нет. Пока существует государственный суверенитет и пока он признается, международные отношения строятся на балансе сил, так как суверен всегда стремится к реализации своих амбиций к абсолютному суверенитету.

Собственно, вот противоречие, в котором заключается проблема государственного суверенитета. 1) Власть государства не ограничена; 2) не существует объективных правил «внешнего» суверенитета, которые бы

ограничивали всевластие государства на международной арене; 3) Если власть государства не ограничена по определению, а в международных отношениях не существует принципов ее ограничивающих, то она должна быть не ограничена везде. Права каждого государства на власть безграничны, каждое государство претендует распространить свое влияние на весь мир, точно так же как кавалеристы или парламентарии пытались распространить свое влияние на всю Англию. Теоретический, абсолютный, суверенитет государства не совпадает с его реальным суверенитетом, который всегда ограничен существующим балансом сил.

1.2. Гоббс и справедливость

Томас Гоббс и проблемы, которые он описал, актуальны до сих пор. Несмотря на то, что английский автор был современником Кромвеля, он же был первым современным политическим исследователем и, согласно некоторым исследованиям, изобрел современную политологию¹¹. То, что первым бросается в глаза при чтении Гоббса, это его прямота и бесцеремонность, его нацеленность на чисто рациональный и эмпирический подход к политике. У Гоббса все подчинено строгой причинно-следственной связи, а политика является прямым логическим следствием человеческой природы. Поэтому я считаю необходимым в первую очередь кратко рассмотреть образ человеческой природы, который Гоббс очертил в своей работе.

¹¹ Ryan, A. On Politics: A History of Political Thought from Herodotus to the Present. Liveright Publishing Corp, Norton & Company, NY, 2012. P. 411.

Человек для Гоббса есть живущий механизм, чья «жизнь есть лишь движение конечностей», чье «сердце лишь пружина, нервы - лишь струны, а связки - лишь шестеренки»¹². Государство же есть «искусственный человек»¹³, а государственный суверенитет можно сравнить с «искусственной душой[artificial soul]»¹⁴, в то время как государственные органы являются аналогами органов человеческих. В отличие от классических писателей вроде Цицерона или Аквината, Гоббс не пытается приписать государству какую-либо моральную цель. Для него государство существует преимущественно ради одной простой потребности: поддержания мира («Свое собственное самосохранение является конечной целью, подталкивающей человека к самоограничению и жизни в Содружестве [с другими]»ⁱ)¹⁵. Государство должно быть построено на справедливости («Те, кто дает человеку право на управление в качестве суверена, понимаются [как те, кто также] дает ему право назначения судей для вершения справедливости»ⁱⁱ)¹⁶, однако идея справедливости Гоббса тоже отличается от представлений классиков. Понятие «хорошего» и «плохого» основываются на «желании[desire]» и «отвращении[aversion]» («Что бы ни явилось предметом аппетита или желания любого человека, он сам назовет хорошим; а предмет своей ненависти и отвращения, зловещим»ⁱⁱⁱ)¹⁷. Добро и зло для Гоббса заключаются в личностных предпочтениях отдельных индивидуумов: в основу 'хорошего' ложится не какой-то универсальный принцип вроде всеобщего блага или Божьей воли, но воля каждого отдельного человека. Так, например, кто-то сегодня может считать аборт убийством, кто-то -

¹² Hobbes, T. *Leviathan, or the Matter, Forme & Power of a Common-wealth Ecclesiastical and Civil*. St Pauls Church-yard, London, 1651. P. 7.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid. P. 103.

¹⁶ Ibid. P. 85.

¹⁷ Ibid. P. 33.

естественным правом; античный мыслитель попытался бы свести это противоречие к общему знаменателю, взвесив аргументы за и против аборта, и пришел бы к окончательной идее о том, на чьей стороне истина. Для Гоббса, идеи и истина несущественны. Его ответом на данное противоречие было бы что-то вроде следующей тавтологии: «Существуют люди, которые желают легализации абортов, и существуют те, кто испытывает отвращение к легализации абортов». Таким образом, у каждой стороны конфликта в этом вопросе свои собственные взгляды на то, что есть «хорошо», и что есть «плохо», и найти какого-либо рода общий знаменатель просто невозможно. Акцент делается на индивидуальную волю конкретных людей, не на абстрактные идеи.

В том что касается идеи справедливости, Гоббс называет поступок ‘справедливым’ тогда, когда этот поступок не противоречит данному человеком обязательству («...как только договор был заключен, нарушить его есть несправедливость, и определением несправедливости становится не что иное, как несоблюдение [условий] договора»^{iv})¹⁸ Так, чтобы в мире была справедливость, необходимо, чтобы люди могли между собой договариваться и заключать договоры. В отсутствие договоров, речи о справедливости быть не может («Ведь где заключения договора не случилось... ничто не может быть несправедливым»^v)¹⁹. В естественном состоянии у человека есть право на все, даже ‘на тела других людей’ («в таком состоянии у людей есть право на все вещи, даже на тела друг друга»^{vi})²⁰. То есть, даже самые ужасные, несправедливые преступления против человека, совершенные до того момента, когда несправедливость была четко определена, не являются несправедливыми.

¹⁸ Ibid. P. 88.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. P. 80.

В этой связи возникает интересная проблема по поводу того, что можно считать законом. Было бы логично предположить, что закон по крайней мере *должен* быть выражением справедливости. Гоббс считал, что в мире не существует объективных принципов справедливости (то есть принципов справедливости вне контракта), следовательно, справедливость есть лишь согласие между индивидуальными волями о том, что есть «хорошо» и что «плохо». Так как государство является именно таким соглашением, то суверенитет является источником закона, не наоборот. Любое слово суверена автоматически становится законом, и, следовательно, справедливо.

Противоположной точкой зрения, к примеру, Цицерона, было бы противопоставление суверенитета объективно существующим и рационально познаваемым принципам справедливости. В данном случае, закон является источником суверенитета, и как только суверен перестает следовать идеям универсальной справедливости, он перестает являться сувереном. Эта дилемма может быть проиллюстрирована на примере следующей юридической проблемы. Если мы представим себе женщину, живущую в Нацистской Германии, которая решает донести на своего мужа за то, что тот неблагоприятно высказался о Гитлере, то можем ли мы сказать, что женщина действует законно? Если мы принимаем точку зрения Гоббса, то ответ будет положительным, так как Нацистская Германия есть суверен, и, значит, является источником закона и справедливости. В этом случае, её законы стали ‘законами’ в момент прихода к власти Адольфа Гитлера и его партии, и перестали быть таковыми в момент дезинтеграции Рейха - то есть, когда перестал существовать суверен. Если мы принимаем противоположную точку зрения, то ответ отрицателен, так как политика нацистской партии нарушала объективные принципы справедливости. В этом случае, ‘законы’ Нацистской

Германии никогда не были законами, ни до, ни после распада Рейха, так как справедливость существует всегда и независимо от суверена. Задачей суверена, в таком случае, является лишь выражение этих принципов; если он выражает их неверно, он теряет свой суверенитет.

Очевидно, что хоть и вторая точка зрения выглядит более точной, она базируется на искажении реальности. Объективных принципов справедливости существовать не может. Может лишь существовать наше согласие о том, что есть объективное. Права человека есть лишь теоретический конструкт, они не существуют независимо от нашего сознания. В реальности существует лишь страх за свою жизнь и собственность, а также желание защитить жизнь и собственность от остальных. Тем не менее, жизнь человека была бы невыносимой, если бы он не нашел способ окрасить столь мрачную картину в более яркие цвета. Права человека, как и объективные принципы справедливости, конечно же, фикция, но для успешного функционирования нашего общества, нам необходимо верить в реальность этой фикции. Нам необходимо вообразить, как будто бы права человека и принципы справедливости были реальностью, чтобы создать поистине справедливое общество. Заслугой Гоббса является то, что он ставит читателя лицом к лицу с реальностью: отношения между людьми есть вечная борьба за власть («Я провозглашаю движущую силу всего человечества: нескончаемое, безустанное желание все большей власти [над другими], которое находит свое завершение только в смерти»^{vii})²¹, и государство существует для того, чтобы хоть как-то обуздать это естественное человеческое зло²².

²¹ Ibid. P. 61.

²² Ibid. P. 103.

1.3. Бесконечная война

Итак, универсальной идеи справедливости быть не может, может быть лишь согласие о том, что есть справедливость. Бесконечная война есть прямое продолжение этой идеи. Если справедливости быть не может, то у каждого человека есть право на владение всем миром²³; если каждый человек теоретически владеет всем миром, он обязан реализовывать свою власть, подчиняя себе волю других людей и присваивая их собственность («... то есть, принуждением или хитростью, он может подчинять себе других до тех пор, пока ему не встретится сила достаточно великая, чтобы создать для него [самого] источник угрозы»^{viii})²⁴; если объективных законов справедливости не существует, а каждый человек стремится реализовать свое право на владение миром, мы получаем бесконечную войну за власть («они находятся в состоянии, которое называется войной; и это война каждого человека против каждого [другого] человека»^{ix})²⁵.

Самосохранение порождает естественное право человека на владение всем миром («...это, ни больше ни меньше, то, что требует его собственное самосохранение...»^x)²⁶. Это происходит следующим образом. В этом праве, Гоббс различает между правом как таковым (*jus naturale*)²⁷ и обязанностью (*lex naturalis*)²⁸. *Lex naturalis* = искать мира и следовать миру («seek peace and follow it»)²⁹; *Jus naturale* = [искать мира и следовать миру] всеми средствами самозащиты, которые есть в нашем распоряжении («by all means we can to defend ourselves»)³⁰. *Lex naturalis* есть то, к чему человек стремится как к наилучшему способу самосохранения, так как если везде будет царить мир,

²³ Ibid. P. 80.

²⁴ Ibid. P. 77.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid. P. 79.

²⁸ Ibid. P. 80.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

то его жизнь и собственность будут в безопасности. Однако человек существует в мире войны всех против всех, и достичь всеобщего мира, очевидно, не в его силах. Как только он осознает это, он начинает действовать в согласии с *jus naturale*, то есть использовать все доступные ему средства уже не для достижения *всеобщего* мира, но лишь собственной безопасности. Что нужно человеку, чтобы гарантировать сохранность своей жизни и собственности? Он может полагаться на свою общину; но что, если у врага есть целое поселение? В таком случае, человеку нужно свое, еще большее поселение. Но что, если у врага целая страна? В таком случае, и человеку нужна еще большая страна, и т.д. *ad infinitum*. Человеку нужно наращивать свои владения вплоть до тех пор, пока они не составят весь мир; именно это Гоббс имел в виду, когда писал, что в естественном состоянии, у человека есть «право на все вещи». Получается зловещий цикл: каждый человек искренне желает мира, но все время выбирает войну как наилучший способ самосохранения, тем самым заставляя других сделать то же самое.

Возвращаясь к международным отношениям, можно провести следующие параллели между Гоббсом и проблемой суверенитета:

- суверенитет государства = *jus naturale*
- международное право = *lex naturalis*
- баланс сил = «война всех против всех»

Суверенное государство, как и человек в естественном состоянии Гоббса, претендует на владение всем миром. Однако трудно точно определить, что есть «самосохранение» для государства, так как последнее не есть живой организм. Основным принципом внешней политики государств является борьба за власть, как и в естественном обществе Гоббса, но эта

борьба не происходит ради самосохранения как такового. Возможно, власть в политике является самоценностью: стремление ее наращивать оправдывается самыми разными мотивами, но все государства всегда хотят иметь больше власти над своими гражданами и над международной средой.

Проблема, тем не менее, этим не решается, так как самосохранение есть цель, ради которой человек в естественном состоянии наращивает свою власть. Говорить, что государство стремится к наращиванию собственной власти, значит прибегать к тавтологии «государство наращивает собственную власть, чтобы наращивать собственную власть», что весьма неудовлетворительно. Власть есть лишь средство к чему-то. В чем цель государства? Здесь трудно прийти к единому ответу. Можно пойти простым путем и сказать, что государство должно обеспечивать безопасность своих граждан, и что всеобщий мир был бы безусловно выгоден всем, особенно в эпоху ядерного оружия. Тем не менее, такой ответ игнорирует тот факт, что государства редко шли на войны из страха за собственную власть; скорее, они делали это ради каких-то дополнительных приобретений. К тому же, даже сегодня не все войны должны быть ядерными войнами. Предполагать, что все государства мира объединяет общее стремление к миру имеет смысл лишь в сфере нуклеарной политики; но это только малая часть международных отношений. Ядро проблемы заключается в том, что цель государства определяется его политическим режимом, и таких режимов множество. Сталин, Рузвельт, и Черчилль, хоть и были союзниками, хотели совершенно разных вещей. Целью Сталина были защита СССР и территориальная экспансия, Черчилля - построение антисоветского баланса сил и сохранение Империи, Рузвельта - создание нового мирового порядка на основе ООН. Все же, союзников объединяло их временное стремление искоренить нацизм, и в этом плане у них была общая цель. Определение

«государственной природы» сравни человеческой природе Гоббса представляется невозможным в силу разницы режимов, геополитических кондиций и т.д. Все же, у государств могут быть промежуточные общие проблемы, которые ставит перед ними история. На данный момент, к примеру, изменение климата является одной такой проблемой.

В том что касается международного права и его сравнения с *lex naturalis*, я лишь указал, чем международное право должно быть в теории (в согласии логикой Гоббса). По Гоббсу, в естественном состоянии люди не могут следовать *lex naturalis* в силу наличия у человека права на весь мир. Зачем человеку отказываться от войны и начинать жить по правилам мира, если все остальные продолжают жить по правилам войны? («Но если другие не откажутся от своего права [на все вещи] как и он, то ни у кого нет причин лишать себя своего [права]... »^{xi})³¹. Государство, или суверен, есть решение проблемы, так как оно заставляет всех одновременно бросить оружие, и тем самым делает для своих граждан возможным жить в мире и согласии («...принудить их страхом наказания к соблюдению договоров, и уважению этих естественных законов [*lex naturalis*]...»^{xii})³².

В этом и есть фундаментальное отличие человека в естественном состоянии от гражданина: первый живет в согласии с *jus naturale*, второй подчиняется *lex naturalis*. *Lex naturalis* есть приход индивидуумов к одной, общей идее справедливости. Международное право, по идее, должно выражать эту самую общность представлений о справедливости, потому что только так оно может называться «правом». На мой взгляд, современное международное право это, строго говоря, не право вообще, так как: 1) у стран отсутствует общее понятие справедливости - каждая страна определяет

³¹ Ibid. P. 80.

³² Ibidem.

справедливость в соответствии со своей политической системой; 2) так как не существует консенсуса по вопросу справедливости, в международном пространстве на данный момент отсутствует суверен, способный стать источником закона; 3) государственный суверенитет препятствует созданию мирового суверенитета. Мировое право никогда не станет таковым, если у стран не будет реального, искреннего согласия по поводу того, что есть справедливость. Очевидно, к примеру, что Иран, Китай и Канада все имеют разные взгляды на свободу индивидуума в обществе, роль правительства в жизни социума, свободу слова и тд., и это лишь три государства. В реальности, довольно трудно представить согласие всех государств мира по поводу того, что есть однозначно «хорошо» и что «плохо», но именно такой консенсус должен быть достигнут для построения поистине международного права.

Государственный суверенитет, в свою очередь, препятствует построению надгосударственного суверенитета, так как государства надежно защищены от внешнего вмешательства международного сообщества. Говорить о том, что на данный момент существует некоего рода 'международное право' абсурдно, так как для построения настоящей международной правовой системы необходимо было бы либо упразднить, либо очень сильно ограничить государственный суверенитет. Путем к построению реального международного права было бы 1) создание консенсуса по ключевым вопросам между всеми государствами; 2) учреждение суверена, способного вмешиваться во внутренние дела государств в случае нарушения последними данных ими обязательств по вышеуказанным вопросам, тем самым будучи способным принудить государства к исполнению универсальных международных норм. Так или

иначе, учитывая поляризацию современного мира, такой сценарий не выглядит реалистичным.

В реальном мире отношения между государствами все еще находятся в стадии непрекращающейся «войны всех против всех». Так как *lex naturalis* в международных отношениях существует лишь в теории, то нескончаемая борьба за власть в реальности остается единственной альтернативой. Когда я говорю о войне, я, конечно, имею в виду не открытые военные конфликты, но превалирование частных интересов над всеобщими. «Война» заключается не в войне как таковой, но в том, что индивидуальное государство готово сделать все для того, чтобы продолжить наращивать свою власть без ущерба для себя. В прошлом, прямым путем к наращиванию влияния были войны, сейчас это может быть корпорационный неокOLONиализм, - неважно, какую форму принимает внешняя политика государств, важна лишь их мотивация. Опять же, никто никогда не начинал войну, надеясь ее проиграть: воюющие стороны всегда преследуют конкретные цели. Сейчас, в силу ряда факторов, таких как общественное мнение и появление ядерного оружия, война устарела как метод ведения внешней политики; но подлежащая мотивация, которая подталкивала нации к войне, остается неизменной: получение выгод для себя за счет других. В этом смысле, война никогда не переставала быть основным принципом международных отношений.

Причина проблемы - отсутствие ответственности. Если человек в естественном состоянии был сильнее своего соседа, то он мог в одностороннем порядке присвоить его собственность, и тем самым обогатиться. Было ли бы это плохим поступком? Да, скажу я, но я делаю суждение с позиции уже сформировавшейся идеи справедливости, то есть уже существующего консенсуса о том, что есть «плохо». У этого человека

нет такой идеи, потому что консенсус еще не был достигнут. Человек в естественном состоянии для меня есть грабитель и подлец, но в своих собственных глазах он просто воспользовался своим преимуществом в силе для получения выгоды, точно так же как покупатель на рынке пользуется деньгами для приобретения товаров. Так как в международных отношениях нет консенсуса о справедливости, то более сильный может подчинить себе более слабого и оправдать это, опираясь на собственную идею справедливости. Сталин не чувствовал угрызений совести, когда подчинял себе малые государства Восточной Европы после Второй мировой войны, так как, по его мнению, присутствие войск Красной Армии в регионе, а также стратегическая важность Восточной Европы для СССР, давали ему право проводить политику в одностороннем порядке. Согласно Г. Киссинджеру, Сталин никогда не понимал, почему для США были так важны демократические выборы в этих странах, обещанные СССР на Ялтинской конференции.³³ США руководствовались прежде всего обещанием Сталина в Ялте - для них был важен юридический факт - обязательство советского лидера. С другой стороны, для Сталина обещания были просто дипломатической тактикой, реальный вес имел только существующий баланс сил. Так, два государства делали прямо противоположные вещи, и оба считали, что поступают справедливо. Чтобы бесконечная война Гоббса в международных отношениях прекратилась, необходимо, чтобы существовал лишь один стандарт поведения государств, и, самое главное, чтобы государство, нарушающее этот стандарт, не было способно оправдать свое поведение, апеллируя к какой-то своей идее «справедливости».

³³ Kissinger, Henry. Diplomacy. NY: Simon & Schuster, 1994. PP. 427-428.

Глава II: АНАЛИЗ СОБЫТИЙ ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА 1914

2.1. Июльский кризис 1914

28 июня 1914 года в Белграде раздался выстрел, изменивший историю. Прямой наследник австрийского трона эрцгерцог Франц Фердинанд вместе со своей супругой были смертельно ранены. Австро-Венгерское правительство было готово пойти на войну против Сербии, полагая, что убийство было организовано властями в Белграде. Конечно, учитывая долгую историю этнических трений между двумя государствами, было логично полагать, что Австро-Венгрия воспользуется моментом для того, чтобы обвинить Сербию в содействии преступлению и будет пытаться добиться ряда концессий от сербского правительства. Более того, едва стоящему на ногах Австро-Венгерскому гиганту необходима была «маленькая победоносная война» для улучшения репутации империи и сохранения остатков сплоченности внутри многоязыкового государства, которое уже давно расходило по швам (С. Цветков даже назвал убийство Франца Фердинанда «подарком Марса» для Австро-Венгрии, так как оно дало Габсбургам удобный повод для развязывания войны³⁴, схожего мнения придерживается Д. Леви³⁵). Однако Австро-Венгрия не могла действовать в одиночку. Ослабленная межэтническими противоречиями империя была неспособна встретить сопротивление со стороны еще одного славянского государства - России; Россия, непременно, не осталась бы в стороне в случае начала войны против одного из её ключевых союзников на Балканах. Сила

³⁴ Цветков С. Э. Как начинался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2014. — № 4 (16). С. 48.

³⁵ Jack S. Levy. Preferences, Constraints, and Choices in July 1914 // International Security. Winter, 1990-1991. No. 3. PP. 6 - 7.

Российского оружия, а также численность русских армий, не позволяли Австро-Венгрии действовать в одиночку. Для сдерживания численности России, Австро-Венгрии было необходимо заручиться поддержкой со стороны своего основного союзника - Германии. В Вене прекрасно осознавали, что лишь вето Берлина сможет заставить Санкт-Петербург остаться в стороне во время очередного балканского кризиса, в то время как Габсбургский трон сможет сохранить осадок своего многовекового престижа и преподать Белграду урок за непристойное поведение по отношению к великой державе. В роковой день 28 июня 1914 судьба Европы была в руках Германии; если последняя не поддержала бы агрессивную политику Вены, Июльский кризис никогда не попал бы на страницы учебников истории.

Германия, к сожалению для всего мира, приняла решение поддержать союзника. После получения трагичных новостей из Белграда, немецкий посол в Вене Генрих фон Чиршки отправил своему правительству телеграмму, где говорилось об убийстве эрцгерцога и о том, что «нити заговора... могут быть прослежены до Белграда»³⁶. Чиршки также донес до Берлина желание Австрии поступить с Сербиями «жестко[severly]»³⁷, однако в то же время сам посол предостерегал свое правительство от «поспешных шагов»³⁸. Кайзер, тем не менее, отказался прислушиваться к своему подчиненному в Вене. По мнению Вильгельма II, Сербия заслужила серьезное наказание³⁹. На оригинальной телеграмме Чиршки можно прочитать записи Императора, сделанные карандашом; в том месте, где Чиршки предостерегает Германию от поспешных действий, Кайзер пометил:

³⁶ Federal Foreign Office: [<https://www.auswaertiges-amt.de/en>]: The Sarajevo assassination, 2014. Accessed 14 February 2021.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem.

«Это очень глупо!... Сербы должны быть сокрушены!»⁴⁰. Цветков предполагает, действия кайзера обуславливались желанием повысить свою политическую популярность в Германии (продемонстрировать твердость). В добавок к этому, по мнению кайзера, поглощении Сербии Австро-Венгрией было ключом к разрешению наболевшего балканского вопроса⁴¹. Главное решение было принято 6 июля. Одним днем ранее, император Франц-Иосиф отправил Вильгельму телеграмму, где изложил свое намерение начать войну против Сербии и объяснил причины необходимости военных действий⁴². 6 июля канцлер Теобальд фон Голльвег отправил ответную телеграмму от лица Кайзера, где передал намерения последнего «поддерживать Австро-Венгрию согласно [тому, что] требуют обязательства союза и старая дружба.»⁴³ Изначально ответ также содержал слова «при любых обстоятельствах», однако позже эта часть была вырезана из телеграммы⁴⁴. Так, Берлин дал Вене то, что вошло в историю как «blank cheque» - гарантию того, что Австро-Венгрия всегда сможет положиться на внешнеполитическую поддержку со стороны Германии. Габсбургам представилась возможность сокрушить Сербию, не встречая сопротивление России в одиночку.

Следующей стадией кризиса стал ультиматум Вены Белграду. Ультиматум был дан Сербии 23 июля, и в нем содержались очень жесткие требования⁴⁵. Целью ультиматума, вероятно, было лишь создание повода для объявления войны, так как даже учитывая то, что Сербия выполнила большую часть условий ультиматума к 25 июля и выказала желание активно

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Цветков С. Э. Как начинался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2014. — № 4 (16). С. 50.

⁴² Federal Foreign Office: [<https://www.auswaertiges-amt.de/en>] : The 'blank cheque' of 1914, 2014. Accessed 14 February 2021.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ World War I Document Archive[<https://wwi.lib.byu.edu/>]: Official Papers: The Austro-Hungarian Ultimatum to Serbia (English translation). Accessed 15 February 2021.

сотрудничать с Веной в разрешении кризиса⁴⁶, война все равно была объявлена. Интересным является то, что Кайзер, когда увидел сербский ответ на австрийский ультиматум, попытался предостеречь Франца-Иосифа от поспешных действий⁴⁷. 28 июля, когда Вильгельм получил копию телеграммы с ответом Сербии, он написал на ней: «Огромный моральный успех для Вены, но вместе с ним все причины для войны пропадают... я бы никогда не порекомендовал мобилизацию на этой основе [на основе ответа правительства Сербии]»⁴⁸. Возникает вопрос: была ли у Германии в принципе какая-то последовательность во внешней политике? Кайзер был шокирован предложением Чиршки не делать «поспешных шагов» 28 июня, призывая к «сокрушению» Сербии; однако, когда Вена приступила к действию, германский император тут же начал призывать к миру на Балканах. Конечно, есть вероятность, что Вильгельм действительно верил в то, что сербское правительство было настроено против Австро-Венгрии и намеренно спровоцировало кризис, однако он был переубежден, как только Сербия проявила готовность активно сотрудничать с Габсбургами и доказала свои добрые намерения. Проблема заключалась в том, что действия Сербии не имели никакого значения для Австро-Венгрии. Это государство не интересовало разрешение кризиса; Вене с самого начала нужна была война, и целью телеграммы Франца-Иосифа было получение этой войны. Все, что нужно было Вене, это гарантия поддержки Берлина. Когда Франц-Иосиф огласил свои намерения 5 июля, Кайзеру необходимо было принять судьбоносное решение. Если он был готов рассмотреть дипломатическую опцию с участием Сербии, то ему ни в коем случае нельзя было

⁴⁶ World War I Document Archive[<https://wwi.lib.byu.edu/>]: Official Papers: The Serbian Response to the Austro-Hungarian Ultimatum. Accessed 15 February 2021.

⁴⁷ Federal Foreign Office: [<https://www.auswaertiges-amt.de/en/>] : The July Crisis: an Ultimatum and an unexpected response, 2014. Accessed 16 February 2021.

⁴⁸ Ibidem.

гарантировать Австро-Венгрии свою поддержку ‘при любых обстоятельствах’, но вместо этого, наоборот, использовать зависимое положение Вены для поиска дипломатического разрешения кризиса. В тот момент, когда Австро-Венгрия получила телеграмму от 6 июля, Германия потеряла контроль над своим союзником. После этой телеграммы Вена знала, что Германия будет на её стороне во что бы то ни стало, и начала вести гораздо более агрессивную и независимую политику в отношении Сербии. Когда Вильгельм осознал наличие дипломатической опции, было уже слишком поздно - Германия теперь следовала за Австро-Венгрией.

Я не могу не согласиться с мнением британского историка Алана Джона Персиваля Тейлора касавшего причин войны 1914. По его мнению, война в Европе началась из-за того, что «Австро-Венгрия не была в силах разрешить собственные внутренние проблемы»⁴⁹. Тейлор пишет, что империя Габсбургов отчаянно искала войны как способа сохранить престиж монархии, которая едва держалась на ногах. Так, целью войны для Вены стал элементарный принцип государственного самосохранения; как пишет сам историк, «Австро-Венгрия хотела балканской войны просто для того, чтобы выжить вообще»⁵⁰. Тейлор также отмечает, что министр иностранных дел империи Леопольд фон Берхтольд никогда бы не настоял на силовом решении проблемы, если бы не ‘постоянные поощрения, поступающие из Берлина’⁵¹.

Так или иначе, Германия теперь удивительным образом из позиции лидера Тройственного союза сместилась в позицию наблюдателя. Политическая инициатива союза теперь исходила от Вены, в то время как

⁴⁹ A. J. P. Taylor. *The Struggle for Mastery in Europe*. London: Amen House, Oxford University Press, 1954. P. 527.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem.

Германия вынуждена была подстраиваться под собственные плохо продуманные обещания. Основной головной болью Берлина, конечно, была Россия. Интересным образом, эти две державы фактически не имели противоречащих геополитических интересов. Германию мало интересовали балканские страны и Восточная Европа в принципе, что делало открытую конфронтацию с Россией маловероятной. Тем не менее, у Австро-Венгрии были такие противоречия, и их было немало. Балканы были единственным возможным источником новых территорий для империи: с тех пор как Бисмарк объединил германские земли севера в цельное государство, Габсбурги потеряли возможность соревноваться за немецкоязычные земли с Берлином. Не имея сильного флота, как и денег на него, Австро-Венгрия едва ли могла разжиться заморскими колониями. Так как территориальная экспансия в эпоху расцвета национализма была ключевой для поднятия престижа правительства и сохранения монархии, Вена была вынуждена искать успеха на Балканах, где её интересы неизбежно сталкивались с российскими. Россия не могла допустить потери Балкан.

Так же, как и империя Габсбургов, царство Романовых продолжало подвергаться вызовам изнутри: усталость народа от неэффективного и коррумпированного режима давала о себе знать, в то время как война против Японии вместо молниеносной победы закончилась ничуть не менее молниеносным поражением. Россия не могла вынести еще одного национального унижения. Проблемой для Санкт-Петербурга было и то, что пока Германия твердо оставалась на стороне Австро-Венгрии, опции России были ограничены на Балканах. Когда Александр Извольский выразил протест своего правительства по поводу аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908, этот протест был встречен де факто ультиматумом

Германии признать аннексию⁵². Сербия в 1914 была повторением уже случившейся истории: Вена, заручившись поддержкой Берлина, была готова продолжить марш на Восток. Предполагалось, что, встретив вето Германии, Россия снова будет вынуждена принять неизбежное и отступить в сторону, в то время как Австро-Венгрия начнет изолированную войну против Сербии. Если бы Россия осталась пассивной в 1914, Первой мировой войны бы не было. Вопрос заключается в том, могла ли Россия остаться в стороне на этот раз, и было ли бы это правильным решением.

Россия, как и другие великие державы, была более чем готова искать мирное решение проблемы. Министр иностранных дел Российской империи Сергей Сазонов активно поддерживал различного рода дипломатические инициативы. Когда Сербии был дан ультиматум, Сазонов настаивал на продлении срока ультиматума для получения времени на переговоры⁵³. Россия также отправила Сербии меморандум, где рекомендовалось частично принять требования ультиматума, тем самым побуждая Белград сотрудничать с Веной⁵⁴. В то же время, Сазонов предпринял инициативу двусторонних переговоров с Австро-Венгрией с целью пересмотра условий ультиматума («...начать... конфиденциальный обмен идей, с целью пересмотра некоторых пунктов Австро-Венгерской ноты»^{xiii})⁵⁵. Сазонов пытался привлечь Великобританию в роли модератора конфликта («Мне кажется, что Англия, как никакая другая держава, была бы способна

⁵² J. P. T. Bury. Diplomatic History 1900-1912. In *The New Cambridge Modern History*, Cambridge University Printing House, 1968, PP. 134-135.

⁵³ Communication by Russian Ambassador. July 25, *British Documents on the Origins of War*, Vol. IX, London, 1926. P. 89.

⁵⁴ World War I Document Archive[<https://wwi.lib.byu.edu/>]: Official Papers: Russian Memorandum of Advice to Serbia, July 24, 1914. Accessed 17 February 2021.

⁵⁵ Russian Ambassador to Sir A. Nicolson. *British Documents on the Origins of War*, Vol. IX, Johnson Reprint Corporation, London, 1926. P. 144.

подтолкнуть Берлин к необходимым действиям»^{xiv})⁵⁶. После объявления Австро-Венгрией войны, опция двусторонних переговоров с Веной исчезла, и Россия начала активно поддерживать инициативу созыва международной конференции великих держав, предложенную министром иностранных дел Великобритании Эдвардом Греем⁵⁷.

Германии не раз было предложено рассмотреть идею Грея (26 июля французский министр иностранных дел предлагал Германии рассмотреть международную конференцию великих держав⁵⁸; 27 июля французский посол в Берлине 'умолял' Вильгельма II принять британское предложение⁵⁹). Германия, однако, не желала созыва международной конференции⁶⁰. По дипломатической переписке видно, что Берлин надеялся на изолированную и короткую войну между Австро-Венгрией и Сербией («Прежде всего, Германии хотелось бы, чтобы этот конфликт остался локализованным»^{xv})⁶¹ - как в 1908, Вена планировала, что сохранит свою репутацию и, вполне вероятно, разживется новыми территориями на Балканах за счет очередного союзника России, в то время как последняя не осмелится действовать под давлением Берлина. В этот раз, тем не менее, Николай II был более решителен и в письме принцу-регенту Сербии гарантировал этому государству поддержку Российской империи («...Ваше Величество может быть уверенно, что Россия ни в коем случае не останется безразличной к

⁵⁶ Télégramme de M. Sazonoff en date du 15/28 Juillet 1914. *British Documents on the Origins of War*, Vol. IX, Johnson Reprint Corporation, London, 1926. P. 146.

⁵⁷ M Sazonoff télégraphie à l'Ambassadeur de Russie à Londres le 15/28 Juillet 1914. *British Documents on the Origins of War*, Vol. IX, Johnson Reprint Corporation, London, 1926. P. 169.

⁵⁸ World War I Document Archives, No. 28. Russian Chargé d'Affaires at Paris to Russian Minister for Foreign Affairs. Paris, July 13 (26), 1914. Accessed 19 February 2021.

⁵⁹ Ibid., No. 39. Russian Chargé d'Affaires at Berlin to Russian Minister for Foreign Affairs at Berlin, July 14 (27), 1914.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid., No. 18. Note verbale handed to Russian Minister for Foreign Affairs by the German Ambassador at St. Petersburg, July 12 (25), 1914.

судьбе Сербии»^{xvi})⁶². Россия не была готова терпеть дальнейшие угнетения от дуэта немецкоговорящих держав - если Австро-Венгрия решится применить силу, она будет вынуждена готовиться к войне против России. В 1914 году Санкт-Петербург был морально и физически готов нарушить вето Берлина, что исключало возможность изолированных военных действий против Сербии. Очертания грядущего шторма виднелись на горизонте: Германия «во что бы то ни стало» продолжит защищать безрассудный курс Австро-Венгрии, в то время как Россия не дозволит нового немецкого покушения на балканские территории и собственный национальный престиж. В конце концов, даже если Россия и уступила бы в 1914, то следующий балканский кризис стал бы лишь вопросом времени; Вена бы продолжила использовать поддержку Берлина для давления на Санкт-Петербург, и, рано или поздно, России пришлось бы ответить войной против Австро-Венгрии, что автоматически втянуло бы ее в войну против Германии. Бездействие России на Балканах могло лишь оттянуть, но не предотвратить неизбежное.

Германия отказалась от участия в предложенной Греем международной конференции по балканскому вопросу. Великобритания, Франция, Италия и Россия - все великие державы кроме Германии и Австро-Венгрии единогласно поддерживали британскую инициативу и не раз предлагали Германии также рассмотреть эту опцию. Что мешало Германии созвать новый берлинский конгресс? Вероятно, Германия опасалась изоляции среди трех держав Антанты. Решение, которое было бы выработано в результате такой конференции, однозначно не было бы в пользу Австро-Венгрии и Германии; помимо этого, решение Германии принять участие в конференции, вероятно, было бы расценено Веней как предательство. По

⁶² Ibid., No. 40. Telegram from His Imperial Majesty the Emperor of Russia to His Royal Highness Prince Alexander of Servia, July 14 (27), 1914. Accessed 20 February 2021.

итогу переговоров, Германия предотвратила бы войну, но лишилась бы своего самого главного союзника, а судьба самой Австро-Венгрии осталась бы под вопросом. Без «маленькой победоносной войны» империя была обречена в скором времени рухнуть под давлением внутренних противоречий.

Германия, как и Россия, лишь стояла на защите своих национальных интересов. Россия преследовала мирную конференцию потому, что решение этой конференции гарантированно было бы выгодным для Сербии. Для России было также удобно то, что Австро-Венгрия активно искала войны с Сербией вопреки всем усилиям последней удовлетворить требования Габсбургов. В свете этого, любая мирная конференция была обречена стать анти-австрийской, так как Австро-Венгрия была де факто единственным агрессором на Балканах. Для Германии участие в конференции означало бы сохранение мира во вред национальным интересам; для России, эта конференция была путем к сохранению и мира, и своего национального престижа. Международная конференция не могла сработать для Германии, так как 1) на этой конференции доминировала бы точка зрения Антанты, что означало то, что конференция не могла быть нейтральной; 2) Германия никогда бы не пошла на международную конференцию в ущерб своему единственному союзнику и национальным интересам Рейха.

И, наконец, последний гвоздь в гробовую крышку международной конференции: даже если переговоры состоялись бы, что могло помешать Австро-Венгрии просто проигнорировать вердикт великих держав? Если более чем удовлетворительный ответ Сербии на ультиматум, убедивший даже Кайзера, не стал для Вены препятствием к войне, что изменила бы международная конференция, половина участников которой даже не имели никаких геополитических интересов на Балканах? Ни Франция, ни

Великобритания не пошла бы на новую европейскую войну из-за судьбы Сербии, что в любом случае обнулило бы все дипломатические достижения конференции. Если война действительно была необходима для выживания самой Австро-Венгерской государственности, то лишь военное вмешательство со стороны великих держав смогло бы положить конец агрессии Габсбургов. Иначе, сценарий Июльского кризиса был бы повторен: Россия бы точно так же вступилась за Сербию, а Германия все так же вступилась бы за Австро-Венгрию. Сколько бы стран ни было приглашено на конференцию, реальная возможность предотвратить войну была лишь у Германии и России, и две державы пренебрегли этой возможностью ради своих национальных интересов - Германия сделала это тогда, когда дала Австро-Венгрии «blank cheque», Россия тогда, когда провела преждевременную всеобщую мобилизацию.

28 июля, в ответ на объявление Австро-Венгрией войны Сербии, Россия начала частичную мобилизацию в районах Одессы, Киева, Москвы и Казани⁶³. 30 июля был отдан приказ начать всеобщую мобилизацию (приказ был отдан в ночь 30/31 июля, поэтому в некоторых источниках приказ датируется 31 июля)⁶⁴. Сазонов в этот же день отправил телеграмму русскому послу в Берлине, дабы оповестить Германию о том, что у России не было «никаких агрессивных намерений [«отсутствие в России каких-либо агрессивных намерений»^{xvii}] против неё⁶⁵. Российская мобилизация стала первой среди великих держав Европы. Причины для мобилизации были следующие: во-первых, для России мобилизация была лишь

⁶³ M Sazonoff télégraphie à l'Ambassadeur de Russie à Londres le 15/28 Juillet 1914, *British Documents on the Origins of War*, Vol. IX, Johnson Reprint Corporation, London, 1926. PP. 168-169.

⁶⁴ The National Archives[<https://www.nationalarchives.gov.uk/>]: First World War: Russian mobilisation, ,August 4 1914. Accessed 21 February 2021.

⁶⁵ M Sazonoff télégraphie à l'Ambassadeur de Russie à Londres le 15/28 Juillet 1914, *British Documents on the Origins of War*, Vol. IX, Johnson Reprint Corporation, London, 1926. PP. 169.

дипломатическим маневром: она не готовилась к войне, но лишь поднимала ставки⁶⁶. Во-вторых, у российского командования не было никаких военных планов, кроме плана всеобщей мобилизации, который и был приведен в действие⁶⁷. Австралийский историк Кристофер Кларк дополнительно приводит субъективные причины всеобщей мобилизации в России, среди которых: вера русской дипломатии в то, что «ключ к ситуации явно находился [в руках] Берлина»⁶⁸, то есть уверенность в том, что Австро-Венгрия действовала по наставлению Германии; непостоянство и нерешительность царя⁶⁹; переоценка военного потенциала Австро-Венгрии⁷⁰. Как описал ситуацию Киссинджер, «царь был слишком нерешителен для своих генералов, [но] слишком решителен для Германии».

Теория о том, что Россия есть главный зачинатель войны, не менее правдоподобна, чем теория о том, что война началась с Германии. Россия находилась в предварительной фазе военной подготовки уже с 26 июля, когда Германия еще не проводила никаких военных приготвления для войны с Россией⁷¹; кроме того, российская всеобщая мобилизация, начавшаяся до австрийской всеобщей мобилизации («Это была первая всеобщая мобилизация»^{xviii}),⁷² едва ли может быть объяснена как защитная мера. Вена действовала нерасторопно. Даже когда война наконец разразится и на западном фронте начнутся первые сражения, Австро-Венгрия все еще не начнет свое наступление против Сербии⁷³. Вопрос: куда Россия так торопилась? Зачем было превращать балканский кризис в европейскую

⁶⁶ A. J. P. Taylor. *The Struggle for Mastery in Europe*. London: Amen House, Oxford University Press, 1954. P. 524.

⁶⁷ Ibid., P. 523, Clark, Christopher. *The Sleepwalkers*. London: Penguin Group, 2012. P. 510, Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New-York: Simon & Schuster, 1994. P. 215.

⁶⁸ Clark, Christopher. *The Sleepwalkers*. London: Penguin Group, 2012. P. 511.

⁶⁹ Ibid., P. 512.

⁷⁰ Ibid., P. 514.

⁷¹ Clark, Christopher. *The Sleepwalkers*. London: Penguin Group, 2012. P. 509.

⁷² Ibidem.

⁷³ Kissinger, Henry: *Diplomacy*. New-York: Simon & Schuster, 1994. P. 216.

войну? Основной объективной причиной было отсутствие в России альтернативного плана мобилизации. Тейлор, Киссинджер и Кларк упоминают тот факт, что всеобщая мобилизация была единственным готовым военным планом империи⁷⁴. Иными словами, Россия действовала столь агрессивно не потому, что она хотела этого, но потому, что у неё не было выбора: решение провести частичную мобилизацию вместо всеобщей грозило подорвать всю военную стратегию и нанести 'непоправимый ущерб' на западном фронте («... подготовленности России к атаке на запад был бы нанесен непоправимый ущерб»^{xix})⁷⁵. Российская всеобщая мобилизация стала ключевым моментом кризиса и довела его до точки кипения, однако для России данные меры были исключительно защитными и принимались в отсутствие альтернатив.

Ситуация еще больше усложнялось военным планированием Германии, в частности - планом Шлиффена. Согласно этому плану, для победы Германии над странами Антанты было необходимо взять Париж в максимально короткие сроки, а затем переключиться на более длительную войну с Россией. Если Германия объявляла войну России, это означало, что к войне тут же подключилась бы Франция (согласно условиям договора 1894). Чтобы пустить план Шлиффена в действие, Германии было необходимо сначала атаковать Францию и лишь потом Россию.

Франция, как и Германия, была державой без балканских интересов, и её вступление в войну могло быть обусловлено лишь франко-русским союзом. Франко-русский союз срабатывал при сценарии, в котором Германия явилась бы безусловным агрессором. Таким образом, если Германия

⁷⁴ A. J. P. Taylor. *The Struggle for Mastery in Europe*. London: Amen House, Oxford University Press, 1954. P. 523, Clark, Christopher. *The Sleepwalkers*. London: Penguin Group, 2012. P. 510, Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New-York: Simon & Schuster, 1994. P. 215.

⁷⁵ Clark, Christopher. *The Sleepwalkers*. London: Penguin Group, 2012. P. 508.

воздержалась бы от открытого объявления войны России 1 августа, но вместо этого заняла бы выжидательную позицию, то бремя действия пало бы на Санкт-Петербург. Если Германия не объявляла войну России, то у последней не оставалось бы опций, кроме как объявить войну Австро-Венгрии, чтобы защитить Сербию. Австро-Венгрия, однако, являлась членом Тройственного союза, что гарантировало ей поддержку Германии. Если Россия начинала войну против Австро-Венгрии, Антанта становилась агрессором против Тройственного союза. В этом случае, объявление войны против России со стороны Германии можно было бы расценить как защиту союзника, и франко-русский договор не был бы приведен в действие. *Casus foederis* франко-русского союза заключался в атаке Германии на Россию. После объявления войны против России 1 августа, Берлин дал Санкт-Петербургу именно то, чего последний хотел, а именно гарантию участия Франции в балканском конфликте, в котором у Парижа не было совершенно никаких геополитических интересов.

Почему Германия была столь нетерпелива? Ответ кроется в военном планировании. Согласно Киссинджеру, Первая мировая война стала неизбежной во многом из-за того, что «военное командование... стало автономным»⁷⁶. В действительности, именно такая тенденция прослеживается в действиях Берлина: план Шлиффена, вместо того чтобы быть инструментом немецкой дипломатии, стал ее целью. Война перестала быть продолжением внешней политики Германии - она стала политикой Германии. План Шлиффена приобрел настолько большое значение для Берлина, что ради его реализации Германия готова была добровольно начать войну на два фронта! Именно это и говорит Киссинджер: страх войны на два фронта, которым был одержим Бисмарк, был трансформирован в страх того,

⁷⁶ Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New-York: Simon & Schuster, 1994. P. 202.

что такой войны не случится⁷⁷. Как еще можно объяснить объявление войны Франции 3 августа? Россия потратила много лет на построение и укрепление Антанты - все ради того, чтобы Париж пришел Санкт-Петербургу на помощь в трудные времена. Однако в российский правящих кругах уж точно не ожидали, что Германия сама вынудит Францию сражаться бок о бок с Россией. С точки зрения рациональной дипломатии, ситуация на начало августа 1914 абсурдна: Германия, вместо того чтобы сократить число своих противников, намеренно его увеличила; вместо избегания войны на два фронта и изоляции России, Берлин сделал все для того, чтобы Россия не была изолирована, и чтобы война для Германии шла на два фронта.

Однако Россия, когда объявляла всеобщую мобилизацию, действовала точно в таком же стиле. Если царское правительство действительно не имело никаких 'агрессивных намерений' против Германии, то как Россия могла пойти на всеобщую мобилизацию, зная, что это будет расценено как акт военной агрессии в Берлине? Россия, как и Германия, боялась мира больше, чем она боялась войны, и руководствовалась прежде всего военными планами, а не тонкостями дипломатии. Если Сазонов действительно желал мира, ему не следовало убеждать Николая II отдать приказ о всеобщей мобилизации, а также говорить императору в лицо, что «надежд на сохранение мира не оставалось»⁷⁸. Получив добро царя, Сазонов тут же позвонил главе генерального штаба Николаю Янушкевичу и сказал ему: «Издавай свой приказ, генерал, и потом исчезни до конца дня[Сазонов боялся, что царь снова передумает, и приказ будет отменен]»⁷⁹. Глава министерства иностранных дел явно был настроен на войну, хоть Россия все еще формально пыталась сохранить мир. Последние призрачные надежды на

⁷⁷ Ibid., P. 205.

⁷⁸ Clark, Christopher. *The Sleepwalkers*. London: Penguin Group, 2012. P. 509.

⁷⁹ Ibidem.

дипломатическое решение кризиса погибли вместе с российской мобилизацией. Страх взял верх над надеждой. Российская и Германская империи пали жертвами своих собственных военных стратегий.

Российская мобилизация стала финальным актом трагедии Июльского кризиса. Зная о российской мобилизации, Германии не оставалось ничего другого, кроме как ответить своей всеобщей мобилизацией, что, в свою очередь, означало войну в Европе. В августе, более чем через месяц после смерти наследника австрийского престола, Июльский кризис так и не был разрешен. Миру теперь суждено было стать свидетелем первой тотальной войны. Первая мировая война принесла миллионам людей невиданные ранее страдания и разрушение, смела старые порядки и дала плодородную почву для построения нового мироустройства. Тот факт, что пятивековому трону Габсбургов удалось утащить за собой в могилу еще три империи, можно назвать своего рода достижением Австро-Венгрии. Старый мир монархических династий перестал существовать, жизнь Европы изменилась навсегда. Германия и Россия могли спасти этот старый мир и предотвратить войну; вместо этого они сделали войну неизбежной, и тем самым обрекли себя на неминуемое поражение.

2.2. Июльский кризис в призме «войны всех против всех»

Июльский кризис интересен тем, что о нем можно сказать что угодно и подтвердить это изобилием источников. Ребекка Вест была права, когда сказала: «Я никогда не смогу понять, как это случилось. Дело не в том, что известных фактов слишком мало, но [в том,] что их слишком много»⁸⁰.

⁸⁰ West, Rebecca. Black Lamb and Grey Falcon. London: Penguin Books, 2007. P. 350.

Любая версия событий валидна постольку, поскольку существуют источники её подтверждающие. Я уверен в том, что в своей работе я не написал совершенно ничего нового о роковых событиях июля 1914 года; это и не было моей целью. Цель Июльского кризиса в этой работе заключается в том, чтобы проиллюстрировать теоретические тезисы Гоббса на примере одного из сложнейших международных кризисов в человеческой истории.

Первую мировую войну можно рассматривать как случайность или как неизбежность. На мой взгляд, она была и случайной, и неизбежной. Случайность ее объясняется тем, что Июльский кризис *мог* быть разрешен мирным путем. Как справедливо отмечает Энтони Бивор, «в истории нет ничего неизбежного»⁸¹. Война 1914 не была стихийным бедствием или божественной карой, она стала результатом принятых политиками того времени решений. У лидеров стран была возможность избежать катастрофы, но эта возможность была упущена. Война, тем не менее, является *также* неизбежной, потому что хоть великие державы и могли предотвратить войну, они бы никогда этого не сделали. Германия и Россия действовали в строгом соответствии собственным национальным интересам, отстаивая свой статус и престиж в Европе. Германия не могла отступить от своего единственного союзника и допустить его коллапс, в то время как Россия не могла позволить Австро-Венгрии безнаказанно нарушить суверенитет Сербии. Правительства стран действовали рационально и их решения опирались на анализ геополитической ситуации и холодный внешнеполитический расчет. Трагедия 1914 заключается в том, что ключевые его участники никак не могли предвидеть развязку кризиса. Германия готовилась к взятию Парижа и победоносной войне против России, Россия предвкушала падение Австро-Венгрии и скорый провал Германии против объединенных сил Антанты. Ни

⁸¹ Beevor, Antony. The Second World War. London: Phoenix, 2012. P. 12.

Россия, ни Германия не подозревали, что старый порядок доживал свои последние дни, а также что вместо молниеносной победы или поражения война принесет нескончаемые человеческие потери и экономическое разорение, и что предвоенное планирование генеральных штабов было совершенно несопоставимо с суровой реальностью новых условий ведения военных действий. Как сказал Алан Тейлор, «пулемет и лопата повернули ход европейской истории»⁸².

Германия и Россия, говоря языком Гоббса, действовали согласно *lex naturale*, то есть своим суверенным интересам. Как в «войне всех против всех», совершенно рациональное поведение государств в 1914 году вылилось в совершенно иррациональный результат. Россия и Германия попали в ловушку дилеммы заключенного. Германия могла отступить от Австро-Венгрии и принять инициативу Грея о проведении международной конференции для разрешения кризиса, но это оставило бы Германию: 1) изолированной в Европе и окруженной Россией и Францией; 2) Неспособной реализовать план Шлиффена, вокруг которого была выстроена вся внешняя политика Рейха. В свою очередь, Россия могла либо оставить свою позицию на Балканах, либо отказаться от всеобщей мобилизации. Первое лишь оттянуло бы войну, так как Австро-Венгрия бы непременно продолжила экспансию на Балканах и в перспективе могла бы угрожать доступу России к черноморским проливам; второе было невозможным, так как отмена всеобщей мобилизации означало, что Россия в принципе не могла проводить военных приготовлений (всеобщая мобилизация была единственным планом военных действий) для противостояния Австро-Венгрии. Отмена всеобщей мобилизации означало бы оставление Сербии на произвол судьбы.

⁸²A. J. P. Taylor. *The Struggle for Mastery in Europe*. London: Amen House, Oxford University Press, 1954. P. 531.

Для того чтобы сохранить мир и спасти Европу от саморазрушения, двум державам нужно было действовать *иррационально*. Германия могла не поддерживать Австро-Венгрию и предотвратить Австро-Сербскую войну, но это бы не решило подлежащую проблему конфликта: балканские противоречия Габсбургов и Романовых. Для своего собственного выживания, Австро-Венгрии необходимо было противодействовать национализму, в то время как Россия была главным поборником национализма на Балканах среди великих держав Европы. Это противоречие могло быть разрешено либо в случае коллапса Австро-Венгрии, либо возрождения европейского концерта по модели Меттерниха. Германия не могла допустить первого, второе было крайне маловероятно.

Итак, зачем Берлину было бороться за мир? Австро-Венгрия становилась все слабее с каждым годом, в то время как Россия наращивала свою военную и экономическую мощь. Национализм и панславизм в Восточной Европе тоже не играли на руку Тройственному союзу. Германия могла предотвратить войну в 1914, но подлежащая проблема противоречий между Россией и Австро-Венгрией решена бы не была. Через какое-то время, вполне вероятно, Балканы стали бы эпицентром нового международного кризиса, только к моменту следующего инцидента Россия бы уже провела свои военные реформы и готова была бы дать достойный отпор немецким армиям, в то время как многоэтническая империя Габсбургов стала бы еще более ослабленной и разрозненной.

Пока Германия и Россия оставались во враждующих лагерях, Германия не могла довольствоваться статусом кво. Бисмарку удалось столь долго поддерживать мир в Европе во многом из-за того, что он всегда опасался отчуждения России. Канцлер говорил, что «все Балканы не стоят

костей одного померанского гренадера». Дальновидный Бисмарк понимал, что у Германии не было никаких национальных интересов на Балканах. Вопрос состоял в том, как не позволить Австро-Венгрии затянуть Германию в войну из-за её собственных внутривосточных проблем. Ответом была поддержка дружественных отношений и с Австро-Венгрией, и с Россией. Так появился Союз трех императоров, который дал Германии возможность временно утихомирить русско-австрийские противоречия. Ключом к европейскому миру был дипломатический канал между Берлином и Санкт-Петербургом. В 1914 году этого канала больше не существовало. Это означало, что у Германии больше не было возможности регулировать балканские противоречия: балканские противоречия регулировали Германию. Без союза с Россией, или хотя бы чего-то наподобие договора о подстраховке, любой балканский кризис мог стать предтечей европейской войны. Как и сказал Бисмарк, «в один прекрасный день, какая-нибудь неладная глупость на Балканах принесет [с собой] великую Европейскую Войну». Германия не могла сохранить и мир, и Австро-Венгрию, одно исключало второе. Именно поэтому, невзирая на предостережение Бисмарка, в судьбоносные дни Июльского кризиса Германия пошла на войну из-за Балкан. Это решение можно критиковать на моральных основах, но с точки зрения рационального выбора, Германия лишь избрала меньшее из зол. Центральная позиция Германии на континенте, которую столь мастерски использовал Бисмарк, из преимущества превратилась в обузу. Из континентального лидера Германия трансформировалась в пособника медленно гибнущей империи Габсбургов. Генрих фон Чиршки задал верный вопрос в одной из своих телеграмм: «... стоит ли нам вообще так тесно связывать себя с этим государством-фантомом...»⁸³, но было уже слишком поздно. Это был бы хороший вопрос в

⁸³ J. M. K. Vyvyan, *The Approach of the War of 1914*, In *The New Cambridge Modern History*, Cambridge

эпоху Союза трех императоров. В 1914, однако, Берлин уже «связал» себя по рукам и ногам; ему теперь необходимо было поддерживать жизнь габсбургской империи всеми средствами. Альтернативой был коллапс Австро-Венгрии и дипломатическая изоляция в Европе.

Россия была по другую сторону конфликта, но ее ситуация была схожа с дилеммой Германии. Так как Россия не была инициатором агрессии, она могла лишь реагировать на действия Австро-Венгрии. Киссинджер пишет, что случись подобный балканский кризис в годы Меттерниха, Россия бы позволила Австро-Венгрии наказать Сербию за регицид. Россия, однако, могла дать Габсбургам карт-бланш на Балканах лишь в том случае, если Берлин готов был проследить, чтобы австрийские войска не подвергали опасности геополитические интересы России. Киссинджер совершенно прав, такой сценарий был бы возможен в годы Европейского концерта; однако русско-германские отношения через два с половиной десятилетия после ухода Бисмарка стали слишком холодными для того, чтобы Санкт-Петербург мог довериться Берлину. Германия обратила свое главное преимущество в свою главную помеху, когда разорвала союзные связи с Россией. Если раньше Берлин был арбитром между двумя беспокойными союзниками и умирять их пыл, то теперь судьба самого Берлина зависела от русско-австрийских отношений. Россия не могла допустить уничтожения Сербии, что вынуждало её рано или поздно начать войну против Австро-Венгрии. Решение провести всеобщую мобилизацию, хоть и весьма спорное, все же в глазах России было лишь реакцией на враждебность Тройственного союза. Русская дипломатия приложила немало усилий для поиска мирного решения кризиса; Австро-Венгрия и Германия не желали тратить время на дипломатию. Россия могла бы искать дипломатического решения до самого

конца, однако в таком случае ее военная готовность бы серьезно пострадала, и, в случае продолжения агрессии Австро-Венгрии, Россия оказалась бы не в состоянии защитить своего союзника - произошло бы повторение ситуации 1908. Вместо преследования призрачных дипломатических инициатив, Санкт-Петербург решил готовиться к войне, которая теперь казалась неизбежной.

2.3. Ловушка Гоббса

Гоббс писал, что, если у человека нет возможности заполучить мир, он становится волен использовать все средства войны ради собственного самосохранения. Россия и Германия в 1914 попались в ловушку Гоббса. Обе державы действовали рационально, целями обеих держав было самосохранение. Однако именно потому, что Россия и Германия действовали рационально, результатом стало их взаимное самоуничтожение. Парадокс Июльского кризиса заключается в том, что совершенно объяснимые и обоснованные действия национальных правительств привели к тотальной войне. Для разрешения Июльского кризиса, хотя бы одной из сторон нужно было действовать иррационально, то есть намеренно пожертвовать собственными национальными интересами ради возможности сохранения европейского мира.

Июльский кризис есть наглядный пример того, как международная ситуация может совершенно выйти из-под контроля национальных лидеров. Можно сказать, что в Первой мировой войне не было нападающего, так как страны-участники были побуждены к действию необходимостью защищать свой национальный интерес. События 1914 наглядно демонстрируют,

насколько нестабильной может стать система МО, которая базируется исключительно на балансе сил. Киссинджер был прав, когда сказал, что великим державам в предвоенное время недоставало общей системы ценностей⁸⁴. Общая система ценностей между государствами может произрасти лишь из консенсуса о справедливости. По мнению Гоббса, бесконечную войну между людьми может остановить лишь государство; государство начинается с договора, который, в свою очередь, начинается с согласия об общих ценностях, и эти ценности получают закрепление в законах. У государств Европейского концерта, к примеру, была некая общность ценностей, которая и сделала возможным формирование Священного союза. Три монархии стояли на страже не только на страже своих политических интересов, но еще и духовных ценностей - веру в несокрушимость монархии и традиционных устоев. Насколько сами монархи верили в свою ценность остается под вопросом, но самое главное было то, что внешняя политика Австрии, Пруссии и России имела под собой некий идейный консенсус. Отсутствие подобного консенсуса неизбежно ведет к возобновлению «войны всех против всех», то есть превалированию частного интереса над общим.

Пока в системе МО не существует консенсуса, новые июльские кризисы неизбежны. Когда каждое государство стремится преследовать собственный национальный интерес в ущерб другим, проигрывают все. В «войне всех против всех» нет победителей. Международные кризисы становятся практически неразрешимыми, когда стороны действуют без малейшего внимания к интересам других государств, и международные отношения неизбежно превращаются в игру с нулевой суммой. Создание консенсуса о ценностях необходимо для успешного решения стоящих перед

⁸⁴ Kissinger, Henry: Diplomacy. New-York: Simon & Schuster, 1994. P. 211.

государствами мира проблем. Такой консенсус появляется тогда, когда у государства осознают общие вызовы. В конце концов, Священный союз был сформирован из страха монархов за их же собственную легитимность. В 1914, однако, государства не имели представления о том, что их ожидает. Истинным виновником в Июльском кризисе стало незнание того, что вот-вот обрушится на мир. Если бы Германия и Россия осознавали, что принесёт война, они бы, без сомнений, всеми силами попытались её избежать. Действительно, как пишет Кларк, великие державы были словно «ходящими во сне» - они не осознавали, к чему приведет их внешняя политика.

Итак, ключевыми элементами Июльского кризиса были: 1) Рационально действующие акторы, стремящиеся максимизировать выгоду для себя; 2) Логика игры с нулевой суммой - потери одной стороны становятся приобретениями другой, и наоборот; 3) Победа над оппонентом в глазах сторон становится важнее, чем предотвращение негативных последствий кризиса. Ядерное противостояние двух государств может служить хорошим примером подобной ситуации. Так как уничтожение противника устраняет угрозу *быть* уничтоженным противником, рационально действующее государство всегда изберет путь войны. Взвесив все «за» и «против», оно решит, что риск уничтожения вражеского государства меньше, чем риск бездействия, так как в момент бездействия враг может нанести удар первым. Так как второе государство тоже действует рационально и опирается на те же исходные параметры, взаимное уничтожение становится неизбежным. Взаимное уничтожение можно предотвратить лишь в том случае, если отсутствует хотя бы один из трех элементов кризиса. Если оба государства решат выжидать, то есть рискнуть собственной безопасностью ради сохранения мира, то войны не будет. Второй вариант - если государства не рассматривают друг друга как

противников, то им нет смысла воевать друг с другом. Третий вариант, если государства ясно осознают возможные последствия ядерной войны для человечества, страх этих последствий побудит их к выжиданию и переговорам. Вероятно, именно последнее предотвратило ядерный конфликт США и СССР в годы Холодной войны.

На примере Июльского кризиса можно видеть, как нестабилен порой бывает баланс сил. На сегодняшний день, перед государствами мира стоят проблемы планетарного масштаба, решить которые можно лишь сообща. Сохранить окружающую среду, к примеру, можно лишь совместными усилиями каждого государства мира. Предотвращение перенаселения планеты, разумное использование энергоресурсов, борьба с бедностью и коррупцией - все это требует кооперации и сотрудничества всех народов Земли. Первая мировая война стала первым примером поистине глобального кризиса, ставшего результатом национального эгоизма. Остается лишь надеяться, что ловушка Гоббса принесет с собой еще одну глобальную катастрофу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из данного исследования следуют два заключения: первое, и самое главное, логика Гоббса, если продолжить ее в применении к МО, действительно приводит к видению мира в категориях силы и противостояния индивидуальных держав между собой – это тот рубеж, на котором останавливаются традиционные реалисты⁸⁵. То, что реалисты обычно упускают, однако, есть тот факт, что сам Гоббс рассматривал войну всех против всех как то, что можно преодолеть посредством создания всеобщего ценностного консенсуса и институционального закрепления данного консенсуса – подписания общественного договора и учреждения суверена. М. Уилльямс в статье «Hobbes and International Relations: a Reconsideration» задает хороший вопрос: «... если гоббсовские индивиды могли заключать договоры друг с другом в естественном состоянии, почему гоббсовские государства не [должны] быть способны делать то же в [состоянии] международной анархии?»⁸⁶. Утверждать, что логика английского мыслителя ведет к абсолютному государственному суверенитету и балансу сил, а также чисто символической роли права и институтов, совершенно неверно, так как хаос и неопределенность были именно теми проблемами, которые Гоббс всеми силами пытался преодолеть в Левиафане. Так, английский исследователь Хедли Булл писал, что полноценный анализ философии Гоббса ведет к выводам совершенно противоположным реализму⁸⁷. Само название трактата – «Левиафан» – есть метафора для «суверена», который один способен вывести человека из состояния вечной

⁸⁵ Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина. Левиафан в поисках миропорядка: проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 79., Michael C. Williams. Hobbes and International Relations: A Reconsideration // International Organization. Spring 1996. No. 2. P. 213.

⁸⁶ Michael C. Williams. Hobbes and International Relations: A Reconsideration // International Organization. Spring 1996. No. 2. P. 213.

⁸⁷ Ibidem.

войны и анархии. Противостоянию государств, по этой же логике, должен быть положен конец посредством учреждения надгосударственного суверена – мирового правительства, функционирующего на базе всеобщих и обязательных правовых норм. Баланс сил, таким образом, неизбежен, но его неизбежность условна: он неизбежен до тех пор, пока над государствами не учрежден суверен. То, что реалисты принимают под *неизменной* действительностью международных отношений, для Гоббса было бы лишь действительностью *pro tempore*.

Второй вывод данной работы: при определенных обстоятельствах, наиболее рациональный курс действий государств может привести к совершенно иррациональному результату – единственно верный выбор поведения становится единственным неверным. Так, как демонстрируют события июля 1914, международный кризис иногда словно обретает собственную жизнь и абсолютно выходит из-под контроля задействованных в нем акторов МО.

В отношении возможных причин Первой мировой войны часто приводится аргумент военных союзов: баланс сил, столь успешно функционировавший после Наполеоновских войн в Европе, был приведен в тотальное бездействие после формирования двух враждующих блоков (Тройственный союз и Антанта). Этот аргумент лишен смысла, по крайней мере в контексте событий кризиса. Германия сама объявила войну и России, и Франции. Антанта, в итоге, ничего не значила: настоящим текстом русско-французского союза был план Шлиффена. Великобритания никогда не связывала себя обязательством вступить в войну на стороне Антанты. Италия, изначально член Тройственного союза, перешла на сторону Антанты в 1915. Никакой системы союзов в Европе в 1914 не существовало, или даже если

она была, эти союзы не сыграли значимой роли в ключевые дни кризиса. Таким образом, баланс сил не был нарушен.

Истинной проблемой «системы союзов» было постепенное ослабление и последующий разрыв дружественных отношений между Берлином и Санкт-Петербургом. Если бы Германия сохранила эту дружбу, войны в Европе бы никогда не было. В эпоху Меттерниха Пруссия и Россия были готовы забыть геополитические разногласия во имя сохранения монархического порядка, который был под угрозой коллапса в свете европейских революций. Тогда, каждая из стран была готова пожертвовать частью своих индивидуальных интересов ради всеобщего блага — существовал консенсус в виде Союза трех императоров. В 1914, державы были настолько поглощены эгоизмом, что совершенно проигнорировали угрозу тотальной войны и добровольно избрали самоуничтожение монархического порядка — логика игры с нулевой суммой заменила стремление к кооперации, и подготовка к войне стала более важной, чем сохранение мира.

На мой взгляд, не нарушение, а сама природа баланса сил привела к войне 1914. Анархия не может функционировать стабильно: баланс сил теряет свою «сбалансированность» по мере утери ключевыми нациями интереса в сотрудничестве. Проблема в том, что в долгосрочной перспективе сотрудничество почти всегда выгоднее для всех сторон, чем конфронтация, но для сотрудничества необходимо, чтобы каждый участник отношений добросовестно действовал не только в своих, но и во всеобщих интересах — говоря гоббсовским языком, необходимо, чтобы все разом сложили свое оружие. Вероятность кооперации всех, однако, крайне мала. Россия и Германия не могли разоружиться, зная, что другая сторона, может быть, *не*

разоружится. Надежная война в таком сценарии стала более рациональным выбором, чем ненадежный мир.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Скворцов, Л. Большой толковый словарь правильной русской речи. ОНИКС, Москва. 2009. С. 821.
2. Sovereignty, Definition of Sovereignty by Merriam-Webster, Merriam-Webster, accessed 9 December 2020, < <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sovereignty> >.
3. Hobbes, T: *Leviathan, or the Matter, Forme & Power of a Common-wealth Ecclesiastical and Civil*, St Pauls Church-yard, London, 1651.
4. German Federal Foreign Office: Federal Foreign Office: [<https://www.auswaertiges-amt.de/en>].
5. World War I Document Archive[<https://wwi.lib.byu.edu/>]: Official Papers.
6. British Documents on the Origins of War, Vol. IX, Johnson Reprint Corporation, London, 1926.
7. The National Archives[<https://www.nationalarchives.gov.uk/>]: First World War.

Литература

8. Smith, Michael. J: *Realist Thought from Weber to Kissinger*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1986.
9. Wendt, Alexander: *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
10. Milner, Helen V: 'The Assumption of Anarchy in International Relations: A Critique' *Review of International Studies*, Vol. 17, 1991.
11. Williams, Michael C.. 'Hobbes and International Relations: A Reconsideration' *International Organization*, Spring, Vol. 50, 1996.

12. Ryan, A, *On Politics: A History of Political Thought from Herodotus to the Present*, Liveright Publishing Corp, Norton & Company, 2012.
13. Kissinger, Henry, *Diplomacy*, Simon & Schuster, NY, 1994.
14. A. J. P. Taylor: *The Struggle for Mastery in Europe*. London, Amen House, Oxford University Press, 1954.
15. J. P. T. Bury: Diplomatic History 1900-1912. In *The New Cambridge Modern History*, Cambridge. University Printing House, 1968.
16. Clark, Christopher: *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London, Penguin Group, 2012.
17. J. M. K. Vyvyan, *The Approach of the War of 1914*, In *The New Cambridge Modern History*, Cambridge University Printing House, 1968.
18. West, Rebecca. *Black Lamb and Grey Falcon*, London, Penguin Books, 2007.
19. Beevor, Antony, *the Second World War*, London, Phoenix, 2012.
20. Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина. Левиафан в поисках миропорядка: проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407.
21. Michael C. Williams. Hobbes and International Relations: A Reconsideration // International Organization. Spring 1996. No. 2.
22. Цветков С. Э. Как начинался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2014. — № 4 (16).
23. Jack S. Levy. Preferences, Constraints, and Choices in July 1914 // International Security. Winter, 1990-1991. No. 3.

-
- ⁱ «The final cause... of men... in the introduction of that restraint upon themselves, in which we see them live in Commonwealths, is the foresight of their own preservation...»
- ⁱⁱ «And they that give to a man the right of government in sovereignty are understood to give him the right... of appointing magistrates for the administration of justice»
- ⁱⁱⁱ «But whatsoever is the object of any man's appetite or desire, that is it which he for his part calleth good; and the object of his hate and aversion, evil»
- ^{iv} «... when a covenant is made, then to break it is unjust and the definition of injustice is no other than the not performance of covenant»
- ^v «For where no covenant hath preceded ... no action can be unjust»
- ^{vi} «in such a condition every man has a right to every thing, even to one another's body.»
- ^{vii} «I put forth a general inclination of all mankind, a perpetual and restless desire of power after power, that ceaseth only in death»
- ^{viii} «...that is, by force, or wiles, to master the persons of all men he can so long till he see no other power great enough to endanger him...»
- ^{ix} «...they are in that condition which is called war; and such a war as is of every man against every man»
- ^x «... this is no more than his own conservation requireth...»
- ^{xi} «But if other men will not lay down their right, as well as he, then there is no reason for anyone to divest himself of his...»
- ^{xii} «...tie them by fear of punishment to the performance of their covenants, and observation of those laws of nature...»
- ^{xiii} «... entrer... dans un échange des idées privé qui permettraient une révision de quelques points de la note Austro-Hongrois...»
- ^{xiv} «Il me semble que mieux que toute autre puissance l'Angleterre serait en mesure de tenter encore d'agir à Berlin pour engager le gouvernement allemand à l'action nécessaire»
- ^{xv} «Avant tout elle [Allemagne] désire que... ce conflit reste localisé»
- ^{xvi} «...your Highness may rest assured that Russia will in no case disinterest herself in the fate of Servia»
- ^{xvii} « l'absence en Russie de toute intention agressive»
- ^{xviii} «That was the first of the general mobilizations»
- ^{xix} «... irreparable damage would be done to Russian preparedness for a westward attack»

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: Shodo Chiku

Проверяющий: Shodo Chiku (unknownnightlord86@gmail.com / ID: 9277052)

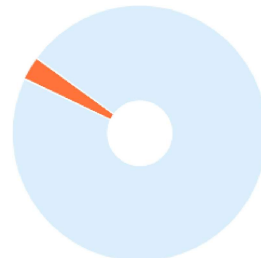
Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат» - users.antiplagiat.ru

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 2
Начало загрузки: 10.06.2021 20:20:29
Длительность загрузки: 00:00:02
Имя исходного файла: BP.pdf
Название документа: BP
Размер текста: 93 кБ
Символов в тексте: 95577
Слов в тексте: 12676
Число предложений: 803

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Начало проверки: 10.06.2021 20:20:32
Длительность проверки: 00:00:17
Комментарии: не указано
Модули поиска: Интернет

ЗАИМСТВОВАНИЯ

3,3%

САМОЦИТИРОВАНИЯ

0%

ЦИТИРОВАНИЯ

0%

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

96,7%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа. Самоцитирования — доля фрагментов текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа, по отношению к общему объему документа.

Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, самоцитирования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Источник	Актуален на	Модуль поиска
[01]	1,55%	Leviathan, by Thomas Hobbes (1/3) https://ebooks.adelaide.edu.au	03 Янв 2021	Интернет
[02]	1,46%	The Enduring Importance of Hobbes in the Study of IR http://e-ir.info	11 Июл 2018	Интернет
[03]	0,29%	http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vital:9949/SOURCE01 http://vital.lib.tsu.ru	24 Янв 2020	Интернет